

Посвящается разбитым сердцам

Глава 1

Настоящее

Я — Оливия Каспен, и если я что-то люблю, то превращаю это в настоящую катастрофу. Не специально... но и не случайно. Одного из выживших после моей ядовитой, извращенной любви я вижу прямо сейчас. Он стоит почти в ста метрах от меня, перебирая старые пластинки.

Кaleb. Его имя перекатывается в голове, как шипастый железный шар, вскрывая давно зарубцевавшиеся чувства. Мое сердце словно пытается выскочить из груди, и все, что я могу, — это стоять и смотреть. Прошло три года с нашей последней встречи. Тогда он предупредил меня держаться от него подальше. Я вдыхаю влажный воздух и пытаюсь взять под контроль свои глупые эмоции.

Я хочу подойти к нему. Хочу увидеть ненависть в его глазах. Нет, это глупо. Я поворачиваюсь, перехожу на другую сторону улицы, к своей машине, и в этот момент ноги меня подводят. Кончики пальцев покалывает нервный азарт. Сжав кулаки, иду обратно к окну. Это моя часть города. Как он смеет здесь показываться?

Он склоняется над коробкой с музыкальными дисками и оборачивается, глядя на что-то за своей спиной: я вижу его характерный профиль. Сердце сжимается. Я все еще люблю его. Осознание этого меня пугает. Я думала, что уже все пережила. Думала, что легко справлюсь с этой случайной встречей. Я ходила на терапию. У меня было три года, чтобы...

Оставить все в прошлом. Свариться в чувстве вины.

Я бесцельно копаюсь в себе еще какое-то время, а затем разворачиваюсь спиной к Калебу и музыкальному магазину. Я не могу. Не хочу снова в этом увязнуть. Хочу спуститься с крыльца — и вдруг тучи, нависающие над Майами уже неделю, внезапно издают оглушительный грохот, подобно старым трубам. Я не успеваю сделать и двух шагов — ливень обрушивается на тротуар, и моя белая блузка мгновенно намокает. Я быстро возвращаюсь под навес на крыльце. Смотрю на своего старого «Жука» сквозь дождь: нужно только пробежаться немного — и я уже буду на пути домой. Но мысли о побеге прерывает голос незнакомца. Я отшатываюсь, не уверенная в том, что обращаются ко мне.

— Красное небо — к беде.

Разворачиваюсь и вижу мужчину — он ближе, чем позволяют приличия. Удивленно ойкнув, отступаю на шаг. Он сантиметров на тридцать выше меня — весь мускулистый, хотя это и не делает его привлекательнее. Держит руки под странным углом — пальцы напряжены и расставлены в стороны. Мой взгляд цепляется за бородавку в центре лба, похожую на мишень.

— Что?

Я растерянно встряхиваю головой. Пытаюсь увидеть Калеба за его плечом. Он все еще там? Стоит ли мне войти в магазин?

— Это старая примета у моряков, — мужчина пожимает плечами.

Перевожу взгляд на его лицо. Оно кажется смутно знакомым. Размышляя, стоит ли послать верзилу подальше, одновременно пытаюсь вспомнить, где видела его прежде.

— У меня есть зонт, — он поднимает зонт с цветочным узором и пластиковой ручкой в виде маргаритки. — Могу проводить вас к машине.

Я смотрю на небо — оно и правда кажется мрачно-красным, — и меня пробирает дрожь. Мне хочется, чтобы этот

мужчина оставил меня в покое. Я собираюсь так и сказать ему, но тут мне приходит в голову мысль: а если это знак? Небо красное. Нужно убираться отсюда!

Разглядывая облупившийся лак на ногтях, я обдумываю его предложение. Я не суеверна, но у незнакомца есть зонтик, под которым будет сухо.

— Нет, спасибо, — говорю я.

Оглядываюсь на магазин — и понимаю, что все уже решила.

— Ладно. Надвигается ураган, но как хотите.

Он снова пожимает плечами и уходит в дождь, не открывая зонтика.

Я смотрю ему вслед. Он идет, согнув широкую спину, будто прикрывая ею от ливня остальное тело. Он и правда огромный. Через несколько секунд он исчезает за завесой дождя. Я откуда-то его знаю — но я точно запомнила бы такого дыду, если бы встречала его раньше. Поворачиваюсь к магазину. Яркие буквы на вывеске складываются в надпись: «Музыкальный гриб». Заглянув в окно, я ищу Калеба. Он стоит там же, где и раньше, в разделе с регги. Даже отсюда видно, как он слегка хмурится.

«Он не может выбрать», — думаю я. И морщусь, запоздало осознав, что именно я делаю. Я больше не знаю его. Я не могу понять, о чем он размышляет.

Я хочу, чтобы он поднял голову и увидел меня, но этого не происходит. Поскольку я больше не хочу топтаться у крыльца, как маньячка, я собираюсь с духом и захожу внутрь. От кондиционера сразу становится холодно — я дрожу. Слева от меня — высокий стеллаж с бонгами: я прячусь за ним и достаю зеркальце, чтобы проверить, как я выгляжу.

Украдкой поглядывая на Калеба, я поправляю пальцем смазавшийся макияж под глазами. Наша встреча должна казаться совершенно случайной.

Передо мной стоит бонг в форме головы Боба Марли. Я смотрю в его стеклянные глаза и репетирую удивленное

лицо. Как же низко я пала! Я сама себе отвратительна. Пощипав себя за щеки, чтобы не казаться такой бледной, я выхожу из своего укрытия.

Ну что ж. Как говорится, пан или пропал.

Я громко стучу каблуками по линолеуму, направляясь к парню. С таким же успехом я могла бы нанять глашатая, чтобы объявлять о своем прибытии. Но, как ни странно, Каллеб взгляда не поднимает. Кондиционер включается снова, когда я уже в нескольких метрах от него. Кто-то привязал к вентиляционной решетке зеленые ленточки. Они начинают танцевать на ветру, и я чувствую запах. Это запах Калеба: мята и апельсин.

Я так близко, что вижу изгибающийся вокруг его правого глаза шрам — когда-то мне нравилось его касаться. Присутствие Калеба в комнате ощутимо почти физически. Все женщины вокруг — и старые, и молодые — бросают на него взгляды и хотят быть к нему ближе. Целый мир склоняется перед Калобом Дрейком, а он об этом даже не знает. Жуткое зрелище.

Я встаю рядом и тянусь за диском. Каллеб, не реагируя на мое присутствие, переходит дальше по алфавитному списку исполнителей. Я следую за ним, и как только оказываюсь ближе, он поворачивается ко мне всем корпусом. Я застываю: мне вдруг хочется сбежать. Неловко шаркаю пятками по полу, а он смотрит на меня — так, будто видит впервые. Взгляд его останавливается на пластиковой квадратной коробке с диском у меня в руке. А затем, спустя три года после последней встречи, я слышу его голос.

— И как они, хороши?

Волна шока отходит от сердца, течет по венам и оседает свинцовой тяжестью в желудке.

Он говорит все с тем же разбавленным британским акцентом, который я помню, но в голосе нет той злости, которую я ожидала услышать. Что-то не так.

— Э-э-э...

Он снова смотрит на меня. Разглядывает так, будто мы не знакомы.

— Прости, я не расслышал. Что ты сказала?

Черт, черт, черт.

— Они, э-э, вполне ничего, — говорю я, засовывая диск обратно в стопку.

Молчание длится несколько секунд. Вероятно, он ждет, что я заговорю первой.

— Эта группа не совсем в твоём вкусе.

Он кажется озадаченным.

— Не в моем?

Я киваю.

— А какие у меня, по-твоему, вкусы?

Его глаза смеются. В уголках рта заметен намек на улыбку.

Я вглядываюсь в его лицо, ища подсказку к игре, которую он затеял. Раньше я легко читала его мимику: каждое выражение лица было всегда уместно и выразительно. Сейчас он кажется спокойным и немного заинтересованным. Я осторожно отвечаю:

— Ну, тебе нравится классический рок... но я могу ошибаться.

Люди меняются.

— Классический рок? — повторяет он, глядя на мои губы.

Я невольно вздрагиваю от внезапного воспоминания о том, как он смотрел на мои губы раньше. Разве не так все когда-то начиналось?

— Прости, — говорит он, опуская взгляд. — Это очень неловко, но я... ну... в общем, я не знаю, какие у меня вкусы. Вернее, не помню.

Я пялюсь на него во все глаза. Это что, какая-то тупая шутка, чтобы отомстить мне?

— Ты не помнишь? Как ты можешь не помнить?

Калёб проводит ладонью по шее — мышцы упруго ходят под кожей.

— Я потерял память после аварии. Знаю, звучит как сюжетный поворот из какого-нибудь фильма. Но правда в том, что я понятия не имею, что мне нравится или нравилось раньше. Извини. Не знаю, зачем я тебе это говорю.

Он поворачивается, чтобы уйти, — видимо, его спугнуло мое потрясенное лицо. У меня такое ощущение, будто кто-то перемешал мой мозг миксером. Ничто больше не имеет смысла. Ничего не сходится. Калев не знает, кто я. Калев не знает, кто я! С каждым его шагом к двери я испытываю все больше отчаяния. Голос в моей голове кричит: «Останови его!»

— Постой, — говорю я едва слышно. — Подожди... подожди!

На этот раз я кричу, и несколько человек оборачиваются на крик. Игнорируя их, я концентрируюсь на спине Калеба. У двери он поворачивается ко мне. «Соображай быстрее! Быстрее!» — пронесится у меня в голове. Показав ему жестом, чтобы он подождал меня, я бросаюсь к секции классического рока. Быстро нахожу нужное — его любимый диск. Возвращаюсь, крепко сжимая его в руках, и останавливаюсь в паре метров от Калеба.

— Тебе это понравится, — говорю я, бросая диск ему.

Цельюсь я так себе, но он грациозно ловит брошенное и улыбается почти грустно.

Я смотрю, как он идет к кассе, расплачивается и исчезает из моей жизни — снова.

Привет — и пока.

Почему я не сказала ему, кто я? Теперь уже слишком поздно, момент для честности прошел. Застыв на месте, я все еще смотрю в ту сторону, куда он ушел. Сердце медленно бьется в груди, пока я пытаюсь переварить, что сейчас произошло.

Калев меня забыл.

Глава 2

Настоящее

В пятом классе я смотрела по телевизору сериал про расследование убийств. Детектив Фоллагин Бевилль был моей смешной детской любовью. Современный Джек-потрошитель выбирал своими жертвами проституток. Фоллагин охотился на него. Как-то он допрашивал проститутку с блондинистыми волосами, темными у корней. Она свернулась на горчично-желтом диване, жадно выкуривая сигарету. Я помню, как думала тогда: «Ого, вот это актриса! Ей, типа, должны выдать премию «Эмми» за то, как жалко она выглядит». Она держала в руке граненый стакан и быстрыми, птичьими глотками пила виски. Я наблюдала за ее движениями, жадная до драмы, и запоминала все, что она делала. Позже той ночью я наполнила стакан «Пепси» со льдом. Сев на подоконник, я подняла к губам воображаемую сигарету.

— Никто меня не слушает, — прошептала я так, чтобы от дыхания запотело окно. — Этот мир так холоден и жесток...

Я глотнула «Пепси», позвенеv льдом в стакане.

Спустя полтора десятилетия я осталась все такой же мелодраматичной. На следующий день после встречи с Каледом на город обрушился ураган Фиби, благодаря которому мне не пришлось брать отгул на работе. И вот я лежу в постели, свернувшись вокруг бутылки водки.

Около полудня я скатываюсь с кровати и тащусь в ванную. Свет не отключили, несмотря на ураган третьей кате-

гории, от которого стекла дребезжат в окнах. Я пользуюсь этим, принимая ванну. Сидя в горячей воде, в миллионный раз вспоминаю вчерашний день. Все заканчивается одной и той же мыслью: «Он меня забыл».

Мой мопс, Пиклз, сидит на коврикe в ванной и настороженно за мной наблюдает. Она такая страшненькая, что я невольно улыбаюсь.

— Калeб, Калeб, Калeб, — повторяю я, просто чтобы убедиться, что это имя звучит все так же.

У него была странная привычка произносить имена наоборот, когда он слышал их впервые. Я была Явилo, а он был Белак. Я думала, что это нелепо, но в итоге начала делать так же. Это стало нашим тайным шифром для сплетен.

А теперь он меня не помнит. Как можно забыть кого-то, кого ты любил, даже если этот кто-то разбил твоe сердце на части? Я лью водку в ванну. Как мне теперь выбросить его из головы? Депрессия могла бы стать моей полноценной работой. Так делают исполнители кантри. Я тоже могла бы петь кантри-музыку. Я напеваю несколько куплетов *As You Break My Heart* и делаю еще глоток водки.

Пальцем ноги вытаскиваю пробку за цепочку и слушаю, как вода утекает в слив. Одевшись, иду к холодильнику. В пустом животе булькает дешевый алкоголь. Мой экстренный запас продуктов на случай урагана состоит из двух бутылок соуса ранч, луковицы и головки сыра чеддер. Я нарезаю сыр и лук и бросаю их в миску, поливая низкокалорийным соусом ранч сверху. Ставлю на плиту кофеварку и включаю стереосистему. Играет тот самый диск, который я вручила Калeбу в «Музыкальном грибе». Я снова пью водку.

Просыпаюсь на кухонном полу, лицом в лужице слюны. В кулаке я сжимаю фотографию Калeба, которую я порвала и склеила обратно скотчем. Чувствую себя на удивление хорошо, пусть даже в висках слегка пульсирует. Я принимаю решение. Сегодня я собираюсь начать все заново. Я забуду Как-Его-Там, накуплю всякой здоровой еды и буду двигать-

ся дальше. Я убираю за собой после пьянки, помедлив, выбрасываю в мусор склеенное фото. Прощай, вчера. Хватаю сумочку и направляюсь в ближайший магазин здоровой еды.

Первое, что делает магазин здоровой фигни, — это обдает меня запахом пачули в лицо. Я морщу нос и задерживаю дыхание, пока не прохожу мимо стойки информации, где девушка моего возраста медитирует и жует жвачку.

Взяв тележку, направляюсь в глубь магазина, проходя мимо бутылок с «Очистителем ауры мадам Дирвуд» (он не работает) и «Глазом тритона», мимо пакетов с «Экстрактот готу кола».

Насколько я знаю, это обычный продуктовый, а не прибежище для всяких чудиков в радиусе двадцати миль, увлекающихся нью-эйдж. Мы с Калемом никогда не были здесь вместе — а значит, здесь нет и лишних воспоминаний.

Я бросаю в тележку печенье из водорослей и чипсы из печеного картофеля. Иду к отделу с мороженым. Прохожу мимо женщины в футболке с надписью «Я викканка, у меня и метла есть». На ней нет обуви — она босиком.

Свернув к холодильникам, ежусь от холода.

— Замерзла?

Я разворачиваюсь так быстро, что задеваю плечом выставленные на стеллаже вафельные стаканчики. С ужасом смотрю, как они падают на пол, рассыпаясь, как мои мысли.

Калем!

Он подбирает коробки одну за другой, держа их свободной рукой. Улыбается: похоже, его позабавила моя реакция.

— Прости, не хотел тебя напугать.

Такой вежливый. И с этим своим чертовым акцентом. Вопрос вырывается у меня прежде, чем я успеваю подумать:

— Что ты здесь делаешь?

Он смеется.

— Я тебя не преследую. Но вообще-то я хотел поблагодарить тебя за тот диск. Он оказался очень даже ничего.

Сунув руки в карманы, перекатывается с пятки на носок.